

10 ноября 1935 го-

да — знаменательная дата в культурной жизни Осетии. В этот день в нашей республике открылся занавес первого национального театра. Вот как рассказывает об этом старейший деятель осетинского театрального искусства В. И. Тотров:

«День был заполнен хлопотами, последними приготовлениями к премьере. Все актеры с утра после «прогона» спектакля были в театре. Никто не хотел уходить домой. Касса театра не открывалась. Ждали только приглашенных гостей из города и со всех районов Осетии. Желавших увидеть первый спектакль было много. Трудно было отказывать людям, убеждать их, что театр не может вместить всех, что им придется прийти в следующий раз. Люди огорченно слушали, кивали в знак согласия, а потом... снова просили пропустить их хотя бы на галерею, хотя бы просто постоять в проходе».

Никто из коллектива не забыл этот день. Актеры любят вспоминать взволнованную хлопотливость, царившую в театре, торжественную сосредоточенность каждого лица, сомнения, страх, надежду, непрерывно сменявшиеся в душе каждого. Кажется за целый день никто не произнес громкого слова.

Вечером перед открытием занавеса напряжение достигло крайней точки. Казадось самый воздух сцены был насыщен электричеством. По сцене бесшумно двинулся И. М. Раевский (режиссер МХАТ, помогавший рождению осетинского театра), отдавая последние распоряжения. Он подбадривал актеров, но уже не мог скрыть собственного волнения. Лидо и голос выдавали его. Наконец, ушел и он. Погасили дежурную лампочку, и сцена погрузилась в мрак и тишину. «Приготовились», — шепнул помощник режиссера... Медленно, шурша, пошел занавес...

ПЕРВЫЙ СПЕКТАКЛЬ

Начался спектакль «Платон Кречет». Свет софитов постепенно заливал сцену. По залу пробежал трепет, когда раздался первый звук голоса актера дрожащий, срывающийся, как первый крик новорожденного.

Казалось, волнение и растерянность вот-вот овладеют актерами, и спектакль будет провален. Но строгая внутренняя дисциплина, воспитанная ГИТИС'ом, брала свое. Все увереннее и свободнее становилось поведение актеров на сцене, и первый акт закончился под дружные аплодисменты зала.

Сцена за сценой, акт за актом, все больше подпадал зритель под обаяние спектакля. Все было ново: глубокие, сильные чувства, просто, естественно выражаемые актерами, правдивое, естественное оформление — гриммы, костюмы.

Зритель очень скоро был покорен Платоном—Таутиевым. Этот замечательный актер, творчество которого за короткий период его жизни оставило яркий след в культурной жизни осетинского народа, с первых же шагов проявил свое незаурядное дарование. В исполнении им роли Платона много проникновенного и точного. Платон—Таутиев—глубоко творческая натура. Суровый и сдержанный, он обладал чуткой доверчивой душой. В его олухотворенном мышлении, художавом, несколько бледном лице, точных жестках чувствовалась скрытая сила, которая прорывалась в сцене с Аркадием и в сцене отчаяния Платона и других. Профессия хирурга—неотъемлемая часть его существа. Это сквозит в чем-то грустно поддающемся описанию. То ли в пальцах его рук тонких и гибких; то ли в громком голосе, в котором звучат порой

властные ноты? Словом, Платона—Таутиева легко представить в белом халате с хирургическим инструментом в руках, отдающего короткие и резкие приказания.

Со зрелым мастерством, удивлявшим в такой молодой актрисе, был создан Себрафимой Икаевой образ Лиды. Строгость сочеталась в ней с большой горячностью и женственной мягкостью. Вспыльчивая, резкая в пылу гнева, Лида—Икаева—полная противоположность Платону, но их роднят многие черты. Лида—Икаева—такой же, как и Платон, творческий, принципиальный и честный человек.

Эта пара была в центре спектакля, в центре внимания зрителя. Все другие линии шли к ним и от них. Зритель взволнован глубиной, свежестью, чистотой чувства Платона и Лиды. Затаив дыхание, следил он за развитием их отношений, в которых личное и общественное сплелись так тесно, что нельзя было определить, где кончается одно и начинается другое.

Большие симпатии зрителя вызывал Берест—Ворукаев. Это простой, веселый, общительный человек, но строгий и решительный в нужную минуту. Все он делает с увлечением. Работой увлечен страстно. Собирается ехать за город с мальчишеским удовольствием. Общение с Платоном и Лидой доставляет ему радость. И только с Аркадием Берест—Ворукаев делается внутренне настороженным. Он видит его насквозь. Ворукаев сумел органически сочетать в своем Бересте типические черты коммуниста, ворового руководителя, с чертами индивидуальными.

С подкупающей искренностью играла А. Дзукаева роль пионерки Майи. Каждая ее реплика вызывала бурную реакцию зрительного зала.

актерских удачах. В спектакле были не только Платон и Лида, Берест и Майя, но и Бублик—Кокаев, Аркадий—Токаев и другие.

Конечно, не все было совершенно в спектакле. Встречались сцены и образы вялые, бесцветные, что естественно для молодых актеров, но были и такие сцены: восторженная душа актера засветилась в его лице, движениях, звуке, голосе и потрясенный зритель вдруг увидит на сцене живую жизнь, почувствует живой ее пульс, прочтет сокровенные мысли образа и захочет быть таким же сильным, благородным. Ради таких минут всю жизнь трудится актер. Ради таких минут ходит в театр зритель, терпеливо переносит серость и скуку порой целого спектакля.

Подобные сцены, как жемчужины, щедро были рассыпаны по всему спектаклю. Такова была сцена объяснения в любви Платона и Лиды, все сцены в вестибюле больницы и другие.

Нет, спектакль «Платон Кречет» не был результатом «ума холодных наблюдений». Его создала взволнованная творческая мысль всего коллектива и недостатки, которые в нем же могли не быть, не умаляют его достоинств.

Когда закрылся занавес, в зале бушевали аплодисменты. Актер и режиссер вызывали без конца. Было сказано много восторженных, благодарных слов по адресу Таутиева—Платона, Икаевой—Лиды, Дзукаевой—Майи, Ворукаева—Береста, Бублика—Кокаева и других, по адресу педагогов, воспитавших такой коллектив, Советского государства, открывшего молодым народам дорогу к большому искусству, к большой культуре.

Т. КАРИАЕВА.